

DOI 10.35775/PSI.2025.124.7.003

УДК 93/94

А.А. ЗИМИНА

аспирантка факультета истории, политологии
и права Государственного университета просвещения,
Россия, г. Москва
E-mail: markovo-letto@yandex.ru

ДЕЛО О БЕГЛОМ СВЯЩЕНСТВЕ В СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ГУСЛИЦАХ (ПО ДАННЫМ ЦГА МОСКВЫ)

В статье освещается одна из страниц духовной жизни известного старообрядческого подмосковного региона Гуслицы (преимущественно находившегося в Богородском уезде) – задержание трех беглых священников. Дело о нахождении в Гуслицах беглого священства хранится в Центральном государственном архиве Москвы и представляет собой следственное дело, направленное из Комитета и из Канцелярии Московского Военного Генерал-Губернатора для донесения Министру Внутренних дел. Гуслицы были известны не только как духовный центр, но и как пристанище преступников. Светские власти не могли не обратить внимание на появление «беглых попов», которые активно взаимодействовали с местными жителями и несли, как говорилось официальным языком, дальнейший «раскол» и без того в «неблагонадежном» старообрядческом регионе.

Обращение внимание к этому материалу дает понимание активной духовной жизни одного из крупнейших центров старообрядчества Центральной России, который, к сожалению, изучен недостаточно. В настоящий момент интерес к изучению региона не наблюдается. В связи с этим выявление архивных дел становится первостепенной задачей для исследования старообрядческого края, а также религиозной жизни восточного Подмосковья.

Ключевые слова: старообрядчество, Гуслицы, беглопоповство, духовная жизнь, история повседневности.

Старообрядческая культура – уникальное явление российской истории. Живя многие годы в отчуждении от государства – не только религиозном, но и политическом и правовом, старообрядцы смогли бережно сохранить дораскольническую традицию несмотря на лишения и трудности. В этом отношении важным пониманием культуры старообрядцев является изучение как крупных старообрядческих центров – Иргиз, Ветка, Керженец и т.д., так и локальных. В Европейской части России, на востоке Московской губернии, располагались знаменитые на всю Россию Гуслицы («Старообрядческая Палестина» [5]) – старообрядческий центр, известный своими промыслами – в первую очередь книжной традицией и медным литьем. Конкретные границы Гуслиц лежали преимущественно на юге Богородского уезда. Самыми известными

селениями локального старообрядческого региона были села Ильинский Погост (ранее – Погост на Гуслице, «столица» края), а также деревня Шувое, где происходила знаменитая «Шувойская» беседа – одна из страниц истории спора окружников с неокружниками.

Православная энциклопедия дает следующее определение старообрядческому региону: «С кон. XVIII в. г. получила известность как влиятельный центр старообрядчества. Основанное на вост. окраине Москвы Рогожское кладбище (1771) было названо по тесно связанному с г. с. Рогожи (с 1781 Богородск, с 1930 Ногинск). (Местные легенды объясняют распространение старообрядчества в г. расселением там стрельцов после разгрома стрелецких восстаний в 80-х гг. XVII в.; существует также правосл. поверье о том, что сеявший «семена раскола» Никита Добрынин (Пустосвят) в г. «опрокинул все лукошко»)» [2].

В Центральном государственном архиве Москвы в фондах Гражданского генерал-губернатора хранятся дела, затрагивающие повседневную жизнь гусликов XIX – начала XX столетий. Ряд документов содержит сведения о борьбе старообрядцев с действующими законами – открытии опечатанных молелен при царствовании Николая I, дела о преступных занятиях гусликов – своего рода «протест» действующему законодательству Российской империи и т.п.:

«Спасо-Преображенскаго Гуслицкаго монастыря Игумен Парфений донес мне [Филарету, Митрополиту Московскому – Прим. автора], что в окрестностях монастыря есть партия разбойников, которая уже сделала в монастыре некоторые покражи, и угрожает пожаром; и что местныя средства безопасности неудовлетворительны [8. Л. 1]».

О гусликах писал и известный московский журналист В.А. Гиляровский [4].

Стоит выделить документы, содержащие информацию о беглом священстве – именно эти дела лучше всего раскрывают географию взаимодействия Гуслиц как старообрядческого центра с другими регионами. Выявление подобных архивных дел чрезвычайно важно для понимания притока населения в рассматриваемый регион, в том числе и духовных лиц.

Появление в Гуслицах беглых попов не единожды отражалось в документах, но не всегда были известны подробности переселения в старообрядческий край беглого священства: «...Сего 1840-го года, со второй недели четверидесятницы, Богородского уезда в сельце Слободищах, появился беглый поп, из онаго был в деревне Алексеевской, а потом в деревне Зевневой; но из какого места он бывал, будет ли постоянно проживать в помянутом селении, как ему имя, и где теперь проживает – сие неизвестно» [10. Л. 1].

Беглопоповство или «бедствующее священство» – одно из двух направлений в старообрядческой среде (наравне с беспоповством), принимающих священников, поставленных в Синодальной Церкви, и по тем или иным причинам перешедшие, говоря языком законодательства – в раскол.

Рассматриваемые в данной статье документы относятся к периоду царствования императора Николая I (1825-1855). Николаевская эпоха была ознаменована строгим надзором. Как писал профессор Казанской духовной академии М.Н.

Василевский (1873-1933): «Начало той системы правительственных отношений к расколу, которая соединяется в истории с именем императора Николая I – системы строжайшего и секретнейшего полицейского надзора, при терпимости раскола, как *statu quo*, было положено еще до этого Государя, – во вторую реакционную половину царствования его предшественника – императора Александра I» [1].

Беглые попы, судя по сохранившимся документам, пребывали в Гуслицы из разных мест: как из центров беглопоповства, так и при переходе из Синодальной Церкви.

Крупнейший исследователь Гуслиц С.С. Михайлов отмечал: «Изначально в Гуслицах доминировали беспоповцы, но в конце XVIII века ситуация стала меняться. В это время в Москве появились старообрядческие центры – Рогожское и Преображенское кладбища. Рогожане имели намек на иерархию, потому что принимали «беглых» священников из синодальной церкви. Требования к верующим у поповцев были мягче, чем в беспоповских толках» [6].

Кроме С.С. Михайлова ряд исследователей занимались отдельными гуслицкими промыслами. Так, исследователи Т.В. Нечаева и М.А. Чернов занимались изучением гуслицкой иконы: «...Можно сделать вывод о художественном и стилистическом своеобразии «гуслицких писем» XIX – начала XX веков, которые отличаются от старообрядческих мастерских центрального региона России, в первую очередь Владимирских сел, а также Поволжья. В настоящее время еще трудно разделить гуслицкие иконы по различным стилистическим направлениям, дальнейшие исследования помогут уточнить как особенности, так и ареал распространения данных писем» [3].

Нужно сказать, что гусялки предпринимали попытки иметь своих священников, но получили на это прошение отказ официальных властей, согласно Высочайшему повелению: «Предписания Министерства Внутренних Дел от 25-го января 1829 года, предоставлено старообрядцам иметь попов, не иначе как по избранию Епархиальных Архиереев, и считаю долгом покорнейше просить Ваше Превосходительство приказать объявить сказанным старообрядцам, что правительство за силою изъясненных Высочайших повелений не может войти ни в какое распоряжение по упомянутой их просьбе и что они могут обратиться о сем с требованием к местному Епархиальному Преосвященству» [9. Л. 2 об.]. Обратились ли с требованием к Епархиальному Преосвященству гусялки, из документа неизвестно, но о том, что гуслицкие старообрядцы имели священство в указанный хронологический период, сведений нет. Напротив – архивные документы говорят об обратном.

В 1832 и 1835 годах «в Богородском уезде в Гуслицкой волости находились у раскольников и взяты от них следующие три беглых священника» [9. Л. 4]: Александр Гаврилов, Спиридон Иванов и Николай Степанов Сафонов» [9. Л. 2 об.]. Задержанные, судя по материалам дела, разными путями примкнули к старообрядчеству.

Разберем биографию каждого священника отдельно.

Первый из задержанных – Александр Гаврилов изначально служил в Калужской епархии, откуда перешел к «раскольникам», больших подробностей о задержанном в деле не имеется:

«Бежал к раскольникам из Калужской епархии, с которого же времени у них поселился, сего из дел не видно. В 1828-м году неизвестно по какому случаю от был взят и отправлен к Калужскому Епархиальному Археирею» [9. Л. 4].

Второй задержанный священник Спиридон Иванов имел богатую «географию» своих странствий: село Большое (Пронский уезд Рязанской губернии) – Николаевский Радовецкий монастырь – старообрядческая обитель в Черниговской губернии – Московское Рогожское кладбище – деревня Зевнева (Богородский уезд Московской губернии/Гуслицы). Помимо этого, Иванова обвиняли в венчании малолетних детей и крещении младенцев, чьи родители принадлежали к Синодальной Церкви:

«По собственному его показанию данному в Богородском Земском Суде, он первоначально был священником Рязанской губернии Пронского Уезда в селе Большом. В 1842-м году с позволения местного Благочинного он отлучился для богомолья в Николаевский Радовецкий монастырь, оттуда без позволения ушел в Черниговскую губернию в старообрядческий монастырь, а отсюда в том же году перешел в Московское рогожское кладбище, а из онаго в том же году переселился на постоянное жительство в Богородский уезд, в деревню Зевневу. 1833-го года августа 9-го дня внесено было в Московский секретный Совещательный комитет на рассмотрение дело о повенчанном от сего священника села Климова десятилетнем крестьянском мальчике Фоме Филипове с десятилетней же крестьянскою девочкой Прасковьей Федоровой, равно о многих браках раскольников с правоверными, им же повенчанных, и о крещении от него детей рожденных от принадлежащих к православной церкви родителей» [9. Лл. 4 об. – 5]. Интересно упомянутое в деревне село Климово. Возможно, речь идет о Климовой слободе Топальской сотни Стародубского полка, которую населяли беглые «раскольники».

Третий задержанный – Николай Степанов Сафонов, как следует из материалов дела, «в 1832 г. по предписанию Московскаго Военнаго Генерал Губернатора, взят был Полковником Князем Голицыным» [9. Л. 7.]. Священник был образован и сделал неплохую «карьеру». Из дошедших до нас сведений не вполне понятно, по какой причине Сафонов перешел к старообрядцам, имея, вероятно, хорошую репутацию, так как ему доверяли средства – Сафонов был экономом:

«Московской Губернии Богородскаго уезда священнический сын, кончив курс в бывшей Московской Славяногреколатинской Академии в 1814-го года августа 29-го дня был произведен в священники Бронницкой округи в Погост [нрзб]; 1817-го года бывши вдовым определен был в число братства в Перервинский монастырь и экономом Московской семинарии, по увольнении же из монастыря и от семинарии, в 1820-м году перешел к раскольникам сперва на рогожское кладбище, а потом в Богородский уезд в сельцо Слободищи» [9. Л. 5 об.].

На этом «скитания» Сафонова не закончились и после задержания беглый священник смог вернуться назад в Слободищи:

«Начальство получив от него о сем прошении, поместило его в Московский Богоявленский Монастырь под присмотр Настоятеля, с оставлением при нем степени священства. Но прожив в оном монастыре два месяца по уговору села Слободищ крестьянина Трофима Иванова согласился опять перейти к раскольникам. Почему был судим за сие духовным начальством, лишен сана и 14-го декабря 1833-го года определен в староголутвин монастырь на покаяние и в труды послушника и прислужника» [9. Лл. 5 об. – 6].

Однако нужно отметить, что священники «бежали» не из-за совершения ими преступлений, а, вероятно, ввиду личных причин или перспектив. В описании задержанного Александра Гаврилова сказано следующее:

«Затем в 1829-м году от 4-го сентября за № 519г. Управляющим Министерством Внутренних Дел о сем священнике Александре Гаврилове и о другом взятом у раскольников Богородского уезда, было предписано, что как из доставленных о них сведений не видно, чтобы они удалились от своих мест к раскольникам по причине сделанных ими уголовных преступлений» [9. Л. 4 об.].

Задержанные священники понесли строгие наказания в зависимости от «тяжести» их преступлений. Так, «Спиридон Иванов в 1835 году, по Высочайшему повелению отправлен к Архангельскому Военному Губернатору, для содержания в Соловецком Монастыре» [9. Л. 7], а Николай Степанов Сафонов, как уже было сказано выше, «лишен сана и 14-го декабря 1833-го года определен в староголутвин монастырь на покаяние и в труды послушника и прислужника» [9. Л. 6 об.], наказание Николая Степанова не упоминалось.

Подводя итоги, стоит сказать, что Гуслицы как один из крупнейших старообрядческих центров Центральной России, как мы видим из приведенного выше документа, действительно стали местом пребывания беглого священства.

Выявление в архивных фондах документов, связанных с беглопоповством, является дальнейшей перспективной темой для изучения старообрядческого региона. Источники дают понять насколько широко беглопоповство было распространено в регионе и с какими старообрядческими и не только местами были связаны Гуслицы. Бесспорно, все старообрядческие центры в той или иной степени были связаны между собой. В настоящий момент нет работы, посвященной связям Гуслиц с другими старообрядческими местами, показанной через беглопоповство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Василевский М.Н. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I // Азбука Веры // <https://azbyka.ru/otechnik/sekty/gosudarstvennaja-sistema-otnoshenij-k-starobryadcheskomu-raskolu-v-tsarstvovanie-imp-nikolaja-1/>.
2. Гуслица // Православная Энциклопедия // <https://www.pravenc.ru/text/168422.html?ysclid=m928q4v4m5179862524>.

3. «Гуслицкие письма»: иконы и иконописцы // Ильинская средняя общеобразовательная школа // <http://ilschool-guslicy.ru/a11-netchaeva-tn-tchernovna-guslickie-pisma.html>.
4. «Гуслицы и гуслики» // Литрес // <https://www.litres.ru/book/vladimir-gilyarovskiy/guslicy-i-guslyaki-22110074/chitat-onlayn/>.
5. Святыни «Старообрядческой Палестины» // Русская Православная Старообрядческая Церковь // https://rpsc.ru/publications/history/sviatyni_guslicy/?ysclid=m930l2v7hp254799672.
6. Сергей Михайлов: «Старообрядчество – это совокупность разных миров» // Подмосковье сегодня // <https://mosregtoday.ru/news/geroi-podmoskov-ya/sergej-mihajlov-starobryadchestvo--eto-sovokupnost-raznyh-mirov/?ysclid=m8zhqb2v99598934773>.
7. Старообрядческая Палестина (из истории Орехово-Зуевского края) // Богородск-Ногинск. Богородское краеведение // https://www.bogorodsk-noginsk.ru/starover/19_lizunov.html?ysclid=m92a0v41rv952652815.
8. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 16. Оп. 56. Д. 75.
9. ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 5. Д. 520.
10. ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 6. Д. 12.

А.А. ZIMINA

Postgraduate student at the Faculty of History,
Political Science and Law of Federal State University
of Education, Moscow, Russia

THE ARCHIVAL CASE OF FUGITIVE PRIESTS IN THE OLD BELIEVERS REGION OF GUSLITSY (ACCORDING TO THE CENTRAL STATE ADMINISTRATION OF MOSCOW)

This article highlights one of the pages of the spiritual life of the famous Old Believer region of Guslitsy near Moscow (mostly located in Bogorodsky district) – the detention of three fugitive priests. The case of the fugitive clergy is kept in the Central Archive of the City of Moscow and is an investigative. Guslitsy was known not only as a spiritual center, but also as a haven for criminals. The official authorities draw attention to the presence of «runaway priests» who actively interacted with local residents. Paying attention to this material gives an understanding of the active spiritual life of one of the largest centers of the Old Believers in Central Russia, which, unfortunately, has not been studied enough. There is currently no interest in exploring the region. In this regard, the identification of archival files becomes a primary task for the study of the Old Believers' region, as well as the religious life of the eastern suburbs.

Key words: Old Believers, Harpies, fugitive priesthood, spiritual life, the history of everyday life.